Мария Батурина

ПОД НЕБЕСАМИ МОЕГО ГОРОДА

Записки с сорока семи квадратных метров

Мария Батурина

Под небесами моего города

«Автор»
2026

Батурина М.

Под небесами моего города / М. Батурина — «Автор», 2026

Сорок семь метров на пятом этаже. Семьдесят две ступени вверх — без лифта, по усталости в коленях. Именно здесь, под самыми небесами Тюмени, разворачиваются эти хроники — честная летопись одной квартиры и одного города.Мария Батурина пишет о том, как дом лечит: о тополе-страже за балконом, утреннем тумане над Турой, резных наличниках старых улочек и запахе придорожной полыни. О том, как на маленькой высоте помещается большая жизнь: въезд вдвоём с повзрослевшей дочерью, рождение сына в сорок два года, страхи, крещенские морозы и возвращение к самой себе.Это не путеводитель и не исповедь в чистом виде — это разговор женщины с городом, который не торопит, а тихо подставляет плечо. Для всех, кто устал бежать и хочет научиться останавливаться.

© Батурина М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Вместо вступления. Пчёлы в голове. 6
Часть 1. Корни и высота 7
Глава 1. Семьдесят две ступени 8
Глава 2. Побег на рассвете 10
Глава 3. Прозрачный звук утра 13
Конец ознакомительного фрагмента. 14

Мария Батурина
Под небесами моего города

«Город — это не улицы и дома.
Город — это то, как ты в нём дышишь,
когда возвращаешься к себе».
Ринат Валиуллин
«В тишине всё становится на свои места.
Нужно только дать себе время не бежать».
Эрих Мария Ремарк
«Дом — это не просто крыша над головой.
Это место, где свет горит для тебя даже тогда,
когда на улице тьма».
Эльчин Сафарли

Вместо вступления. Пчёлы в голове.

Для меня слово «писатель» всегда было чем-то недосягаемым, почти священным.

Где-то на недостижимой вершине стояли Лев Толстой с его монументальной «Анной Карениной», Ремарк с пронзительной «Жизнью взаймы» или Флобер со своей строгой, трезвой прозой. Классики, титаны, небожители. Мне казалось, что я никогда в жизни не смогу писать большие тексты, а уж тем более замахнуться на целую книгу. Кто я, и где большая литература?

Но в какой-то момент в моей голове завёлся настоящий улей.

Это было поразительно похоже на старый мультфильм про Винни-Пуха — тот самый эпизод, где медвежонок лезет за мёдом, а потом отбивается от потревоженного роя. Точно так же и у меня: мысли, детские воспоминания, запахи сибирской полыни, речной туман, невысказанные обиды и внезапные озарения кружили плотным, сердитым роем. Они не давали покоя ни днём, ни ночью. Они гудели и буквально требовали выхода до тех пор, пока я не садилась за стол и не выпускала их наружу, складывая в конкретные, честные слова.

Стоило только начать — и упрямые пчёлы послушно садились в строчки.

Слова связывались в предложения, абзацы вырастали в главы, а главы вдруг сами собой сложились в единую книгу. Это было похоже на ледоход на Туре, когда бурный весенний поток наконец сносит старую плотину страхов и несётся вперёд на полной скорости.

Эта книга не писалась по академическому кабинетному плану. Она соткана из обрывков разных периодов жизни, из заметок на бегу, нацарапанных на чеках или в телефоне, пока спит сын, из ночных озарений на кухне и долгих пеших километров по улицам Тюмени.

Здесь есть страницы из двадцать первого года, когда мы только-только купили эти сорок семь метров на пятом этаже и заехали туда вдвоём с Полиной — растерянные, строящие свой хрупкий женский ковчег заново. Есть главы, когда в дом ураганом ворвался мой маленький принц Тимофей — и высота наполнилась погремушками, машинками и первыми сибирскими лужами. И есть время, когда у Полины началась своя взрослая жизнь, а на нашей высоте мы остались вдвоём с сыном.

Но главное — в эту книгу вошёл сам город.

Тюмень перестала быть просто декорацией. Она заговорила со мной языком купеческой резьбы на старых улочках, утренним туманом озера Круглого, запахом придорожной полыни, крещенским паром над речной прорубью и тяжёлым, рабочим дыханием северных вахт. Она показала мне свои храмы — от детских босых ног на колючем войлоке валенок до тихого убежища в Тарманах, где я когда-то собирала себя по осколкам.

Каждая страница хранит дыхание своего времени и свой состав семьи. Но все они ведут по одной лестнице — сквозь преодоление семидесяти двух ступеней к дому, к внутренней тишине и к праву быть настоящей.

Под самыми небесами.

Часть 1. Корни и высота

Чтобы подняться над собственной болью, нужно сначала найти свою высоту.

Моей высотой стали сорок семь метров на пятом этаже старой панельной пятиэтажки под небесами. Семьдесят две ступени вверх, на которых осыпается любая наносная шелуха. И город, который не торопит, а тихо подставляет плечо своими вековыми соснами, туманами старых речных русел и резным теплом купеческого дерева.

Здесь начинается дорога к себе. Шаг за шагом. Сквозь усталость — к тишине.

Глава 1. Семьдесят две ступени

В домах без лифта есть своя скрытая, беспощадная справедливость.

Сюда невозможно подняться случайно. Нельзя забежать на минутку, если тебе на самом деле не к кому идти. Каждый гость, каждый курьер, каждый пакет с продуктами, твой собственный ребёнок на руках и ты сама — вы поднимаетесь наверх исключительно через усилие.

Я купила квартиру на пятом этаже в доме без лифта в двадцать первом году. Мы только въехали сюда вдвоём с Полиной, встретив в этих стенах её совершеннолетие. И в первые же месяцы после покупки эта пятиэтажка научила меня трезвому расчёту и преодолению себя.

Когда за спиной захлопывается дверь подъезда, а впереди — семьдесят две ступени вверх, которые я выучила наизусть не по счёту, а по усталости в коленях и по тому, как меняется дыхание на каждом пролёте, ты очень быстро отучаешься от легкомыслия. Я училась быть предельно собранной в магазине: трижды перепроверять корзину с продуктами перед кассой, считать в уме каждую пачку, чтобы не забыть хлеб, молоко или пачку соли. Потому что на пятом этаже без лифта цена забывчивости слишком высока: спуститься вниз и снова одолеть эту высоту второй раз за вечер — испытание, на которое у уставшей после работы женщины просто нет сил.

Ты учишься распределять вес пакетов по рукам. Учишься ровно дышать. Рассчитывать силы на каждый лестничный пролёт: первый этаж, второй, третий...

Я помню: выщербленные бетонные ступени с потрёпанными краями, облупившаяся краска внизу, глухой запах старой штукатурки и чужих обедов с капустой и жареным луком. Я останавливалась между третьим и четвёртым этажами, прижималась плечом к холодной стене, тяжело, судорожно выдыхала сквозь зубы и чувствовала, как холод стены пробирается сквозь ткань пальто, будто хочет остудить всё, что накипело за день.

А потом ступени начали меня лечить.

Я помню этот подъезд в марте.

Ступени стали моим сибирским пограничным контролем — строгим, неумолимым фильтром, отсекающим всё наносное.

Пока ты шагаешь с первого этажа на второй — отваливается липкая шелуха рабочего дня: городской гул, чужой страх и агрессия, телефонные звонки, суета на дорогах. Воздух улиц остаётся внизу, придавленный подъездной дверью.

Со второго на третий — осыпаются чужие оценки. То самое невыносимое, въевшееся с юности: «А что люди скажут?», «Как она одна?», «Почему такая худая?», «Справится ли с ипотекой?», «Чего ждать в сорок с лишним?». На третьем этаже дыхание сбивается настолько, что на чужие пересуды в лёгких физически не остаётся кислорода. Ты начинаешь дышать глубоко, животом, считая вдохи и выдохи.

Между четвёртым и пятым наступает благословенная тишина. Ты больше не бежишь. Ты замедляешь шаг, нащупываешь в кармане пальто ключи. Металл согрелся от тепла твоей ладони.

И вот она — последняя площадка. Вытертый придверный коврик. Простая металлическая дверь.

Поворот ключа. Щелчок задвижки изнутри.

Всё. Мир остался снаружи.

Ты стягиваешь сапоги, ступаешь босыми ступнями на чистый пол и проходишь в комнату. И первое, что встречает тебя, — абсолютная, глухая, царственная тишина.

В этой пятиэтажке у меня нет соседей сверху. Никто не ходит по твоей голове тяжёлыми каблуками. Никто не двигает мебель в полночь. Никто не роняет чугунные сковородки, не включает перфоратор в субботу утром и не орёт сквозь тонкие бетонные перекрытия. Над

моим потолком — только покатая железная крыша, чердак, где весной воркуют голуби, и бесконечное, промытое сибирскими ветрами небо.

Я прохожу на балкон и открываю створку.

Прямо напротив балкона качает ветвями старый тополь — мой молчаливый страж, свидетель всего, что здесь происходило. Летом он заглядывает прямо в комнату сочной, густой, шумной кроной, будто торопится напомнить: жизнь здесь была, она шумела и пахла зеленью. В июне щедро сыплет на подоконник пушистым тёплым снегом своего пуха — и этот пух ложится на всё, как лёгкий слой забытых слов. Осенью вспыхивает резным золотом, роняя тяжёлые листья на козырёк подъезда, словно сбрасывает с себя последние украшения перед долгим молчанием. А зимой превращается в строгое графичное кружево, сквозь которое в сумерках так пронзительно просвечивают далёкие огни моста: будто город подаёт знак, что он всё ещё где-то там, за этим узором холода.

Сквозь его ветви внизу виден двор.

Там, внизу, кипит суета. Машины разъезжаются по парковкам, хлопают дверцы, жильцы торопливо несут пакеты из супермаркета, натягивают шапки против холодного ветра, выясняют отношения на детской площадке, боятся опоздать, меряют свою жизнь чужими стандартами.

А здесь, на высоте пяти этажей, — штиль.

Иду на кухню. Наливаю воду в чайник. Нажимаю кнопку. Включаю тонкую гирлянду на кухонном окне — её маленькие жёлтые лампочки рассыпают по стенам мягкое, янтарное свечение. Этот мягкий свет ложится на подоконник, на чашку, которую ты ставишь на стол, — и всё вокруг становится своим, неслучайным.

В этом одиночестве на высоте нет ни капли сиротства. Сиротство — это когда ты сидишь на чужом диване и ждёшь, когда тебя позовут за стол. А здесь — дом. Мой суверенный материк. Сорок семь квадратных метров, за которые заплачено честным трудом, бессонными ночами и содранными иллюзиями.

С этой высоты город перестаёт казаться враждебным. Он становится понятным и близким. Ты смотришь на него поверх суеты, сквозь тополиные ветви, и вдруг понимаешь: всё, через что пришлось пройти, — и те больничные палаты, и ломбарды, и чужие студии, и страх нищеты — всё это было просто крутыми ступенями наверх.

Они вели меня сюда. На пятый этаж.

Туда, где больше не нужно держать спину ради чужих глаз. Туда, где женщина наконец снимает чужое пальто, заваривает свой горячий чай с мятой и остаётся наедине с собой и с Богом.

Под самыми небесами.

Глава 2. Побег на рассвете

Было в моей жизни короткое, странное лето — то самое первое лето сразу после покупки квартиры под небесами, когда я решила во что бы то ни стало подружиться с бегом.

По природе своей я вовсе не спортсменка. Меня никогда не манили стадионы, нормативы и секундомеры. Но у этой идеи были совсем другие корни.

Мне всегда ужасно нравилось, как это показывают в красивых фильмах: героиня просыпается на рассвете, легко натягивает спортивную форму, выходит в свежее прохладное утро и побежала — лёгкая, летящая, свободная, с улыбкой встречающая новый день. В прошлой жизни я не раз наблюдала эту картину вживую: стояла у окна, смотрела, как внизу по дорожкам уверенно бегут утренние люди, и втайне завидовала их решимости. Мне отчаянно хотелось так же. Но сделать первый шаг, переступить порог и побежать самой я годами так и не решалась: мешало смущение, страх показаться нелепой, вечное «да куда уж мне со своими сорока двумя килограммами».

А тем летом всё сошлось в одну точку.

Внутри копилось столько невысказанного напряжения, страха перед ипотекой и переменами, что телу отчаянно потребовался физический выход, способ встряхнуться и вытрясти из головы этот навязчивый рой мыслей.

И я наконец решилась на бег. Но на бег совершенно особенный — тайный, почти партизанский.

Я выходила на улицу на рассвете, в тот ранний, сизый, прохладный час, когда город ещё спит мёртвым сном. Мне было физически важно, чтобы меня никто не видел. Никаких свидетелей. Никаких знакомых лиц из соседних подъездов, оценивающих взглядов собачников или спешащих на работу прохожих. Бегать на глазах у всего Мыса со своими сорока двумя килограммами казалось мне верхом неловкости. Мне нужно было остаться один на один с пустыми улицами.

В то утро будильник не звонил — я проснулась сама от внутреннего толчка.

В квартире на пятом этаже стоял серый, хрустальный полумрак. Я натянула спортивные трикотажный комплект известной марки, зашнуровала кроссовки и выскользнула за дверь. Бесшумно спустилась по своим семидесяти двум ступеням и толкнула тяжёлую дверь подъезда.

Мыс встретил меня абсолютной, застывшей пустотой.

Ни машин, ни людей. Воздух был свежим, умытым ночной росой, с лёгким запахом остывающего асфальта и тополей. Я сделала глубокий вдох и побежала.

Сначала — привычный круг по спящему двору. Мимо замершей детской площадки, мимо тёмных окон пятиэтажек, за которыми люди досматривали свои последние сны. Дыхание быстро настроилось на ровный ритм, под подошвами глухо застучал асфальт. Двора показалось мало, и я свернула на улицу Кулибина.

Улица Кулибина в предрассветный час похожа на декорацию к забытому фильму.

Узкая, зелёная, зажатая между тихими палисадниками и невысокими домами. Фонари уже погасли, а солнце ещё не показалось из-за горизонта. Я бежала вперёд, глядя на ровную серую ленту дороги под ногами, и не заметила, как мысли унесли меня далеко от этой улицы.

Я глубоко задумалась. В голове закружился привычный рой: воспоминания, нерешённые вопросы, какие-то диалоги, которые давно пора было отпустить, тревога за будущее, за дочь... Мысли потекли плотным потоком, выключив внимание к внешнему миру. Я просто машинально переставляла ноги, в такт дыханию отмеряя метры, не глядя по сторонам.

А когда я очнулась и опустила глаза — асфальт под ногами давно кончился.

Вокруг не было ни улицы Кулибина, ни пятиэтажек, ни заборов. Под подошвами пружинила сырая грунтовая тропа, присыпанная сосновыми иглами, а в лицо пахнуло густой, холодной, болотной сыростью.

Я замерла, сбившись с шага. Огляделась по сторонам, тяжело переводя дух.

Ноги сами, на чистом автопилоте, увели меня через край Гагаринского парка далеко вниз, в речную пойму. И я стояла на самом краю озера Круглого.

Оно лежало передо мной в чаше берегов — древнее, потаённое, словно затерянный мир, о существовании которого город забыл. Старица Туры, старое речное русло, укрывшееся в камышовых зарослях.

И над ним стоял туман.

Это было не просто утреннее марево. Это была плотная, белая, осязаемая стена заречного тумана, сползшего сюда с речных низин. Он клубился над тёмной гладью воды, цеплялся за верхушки высокого тростника, глушил любые намёки на звуки цивилизации.

Я стояла одна на крошечном песчаном пятачке и меня накрыло почти мистическое чувство: я нахожусь всего в получасе ходьбы от своего дома, но стою на краю глухого сибирского болота, которому тысячи лет.

Вода в озере была неподвижной, чёрной, маслянистой, гладкой, как зеркало. Ни единого всплеска, ни ветерка. Только белые клочья пара медленно плыли над водой.

И тут в памяти всплыла старая народная легенда, которую когда-то рассказывали об этом месте.

Говорят, давным-давно здесь тайно встречались двое влюблённых. Их разделяло всё: сословные запреты, людские пересуды и глухая, непреклонная воля семей, не желавших этого союза. И однажды девушка, не выдержав тяжести чужого давления и понимая, что вместе им не быть, сняла с пальца кольцо — подарок своего избранника. Подошла к берегу и со слезами бросила его в тёмную речную воду, прошептав, чтобы их любовь жила вечно и осталась неподвластна людской злобе. И люди верили: именно это кольцо, тихо опустившееся на илистое дно старицы, и начертило вокруг себя идеальную круглую чашу, сделав озеро Круглым в вековой памяти города.

Я стояла на песчаной кромке и смотрела в чёрную глубину.

Господи, сколько колец бросает в воду своей судьбы каждая взрослая женщина?

Сколько надежд, свадебных клятв и разрушенных союзов мы хороним на илистом дне своего прошлого? Мы проходим через чужое непонимание, через сокрушительное давление обстоятельств, теряем берега и однажды остаёмся с пустыми руками на перекрёстке.

Но озеро на дне хранит кольцо не как знак смерти — оно замкнуло его в круг. А круг — это совершенный образ спасения. Это знак того, что после самого глубокого обрыва жизнь не исчезает в тупике. Она делает оборот, смыкает берега и возвращает тебя к себе самой — очищенной, нашедшей свои корни и готовой начать заново.

И вдруг сквозь собственные мысли и рассуждения я различила силуэт.

В нескольких метрах от берега, у самой кромки, в старой резиновой лодке неподвижно сидел рыбак. В тёмной брезентовой куртке, в надвинутой на лоб шапке. Он застыл со своей удочкой так тихо, так монолитно, словно был не человеком, а корягой или стеблем рогоза, вросшим в это озеро с незапамятных времён. Он даже не повернул головы на звук моих шагов.

В этой картине было столько первозданной, нерушимой правды, что я боялась громко выдохнуть, чтобы не спугнуть это оцепенение природы.

Здесь не было вчерашних тревог. Не было спешки. Были только туман, древняя вода, рыбак и высокое сибирское небо, начинавшее на востоке наливаться холодным перламутром.

Я постояла у воды минут десять, чувствуя, как влажный туман оседает капельками на волосах и ресницах, как остывает разгорячённое бегом тело. И впервые за долгое время внутри

наступила звенящая, абсолютная тишина. Мысли, которые мучили меня на улице Кулибина, растворились в озёрной глади без остатка.

Обратно я уже не бежала. Я шла быстрым, размашистым шагом, впитывая прохладу просыпающегося соснового бора.

А через пару недель то странное беговое лето для меня закончилось.

Тело всё-таки взяло своё: после резких утренних пробежек по асфальту у меня начали мучительно ныть и отекать тонкие голеностопы. Суставы горели, ноги наливались свинцом, подниматься на пятый этаж становилось пыткой. Врач в поликлинике только покачал головой:

— Девушка, ну какой вам асфальтовый бег с вашей комплекцией? Берегите суставы. Вам нужно что-то мягкое, плавное. Ищите спокойный спорт.

И я послушалась. Я оставила бег в прошлом и расстелила на полу дома коврик для йоги.

Именно йога дала мне то, чего я так отчаянно и неумело искала в тех ранних пробежках по Кулибина: мягкую силу, заземление и способность слышать своё дыхание без надрыва и одышки. Она научила меня удерживать внутренний баланс на коврике точно так же, как жизнь учила меня держать его на крутых поворотах судьбы.

Но то туманное утро на озере Круглом навсегда осталось во мне.

Оно осталось как напоминание: иногда нужно просто бежать, не разбирая дороги, чтобы случайно заблудиться и выйти к своей собственной тишине. Туда, где за туманом старого русла дремлет вечный сибирский покой.

А потом — вернуться домой. На свою высоту.

Под самыми небесами.

Глава 3. Прозрачный звук утра

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.